

Серая, тёплая, упала она на сосну, поскрёбывая когтями по заледенелой ветке. Подвинулась ближе к стволу. Сквозь иголки, стылые и звонкие, уже проклёвывался край зимнего неприветливого солнца – и сегодня снова серый, как и её крыло. Внизу горбились белые балахоны сугробов, капюшоны, накинутые на ветки бузины, виднелась истеричная цепочка мышинных следов под кустами, оборванная у пня. Сова перебралась в дупло – перья, сучки и сухие мышинные кости зашуршали. Положила мышь под ноги и стала расправляться с ней. Потом отвернулась от ветра, затихла и сыто провалилась в сон.

– Бааааабушка! – услышала она, но это было позже, далеко-далеко, наверняка, уже днём. – Ну, баааааабуууууууушкааааа же! Вылезай, пожалуйста, надо поговорить!

Сквозь сон сова вяло ухнула: «Не моё дело» – и снова пропала в своём личном вареве мрака.

Девочка, что стояла на поляне, отчётливо угадывала дупло раскоряченной, старой сосны. Внутри было тихо. Как всегда. Бабушка и раньше не особенно-то разговаривала с ними.

– Зяка и Вяка разбежались, – девочка подула на варежки и вздохнула, снежинки полетели ей в лицо, пришлось чихнуть. – Ты можешь что-нибудь придумать, а? Я вот нет.

Лес молчал. Впереди за деревьями темнел пруд – зимой к пирсу вела узкая тропинка, где ходили рыбаки да чудики – любители окунуться в прорубь. Лыжня огибала пруд ровной каралькой, но так то ж лыжня, по ней в сапогах не походишь.

– Зяка сказала, мы с ней поедem в другой город. Я не хочу в другой город. И не хочу, чтобы Вяки не было. А Зяка сказала, привыкай, больше не будет.

По-прежнему тихо. Только издалека, со стороны города доносились обрывки смеха – может, кто жарит сосиски или просто гуляет. У них с Вякой зимой была такая игра – идти назад по своим же следам, и чтобы обязательно попадать.

Девочка подышала угрюмо, глядя себе под ноги, поправила рюкзак за спиной, затолкала волосы под шапку и неуклюже потопталась в снегу. Она достала из кармана кусок хлеба и положила его под сосну.

– Знаешь, мы вчера проходили гравитацию. Её никто никогда не видел, но на ней всё держится. Она везде.

Потом девочка, которая, быть может, ещё хотела что-то сказать, да передумала, нерешительно развернулась и, переваливаясь, пошла сначала по своим старым следам, а потом по тропинке к трамвайной остановке.

* * *

– Зяка, какая ты вонючая. Фу.

Зяка пришла с лестницы, где только что курила, закрыла дверь и хмыкнула.

– Фу, – охотно согласилась она, сняла куртку, ботинки, быстро глянула, чем занята её дочь, и отправилась в ванную набирать воду.

Села на белый холодный край, задумчиво высыпала из горсти в бодрую, молодую горячую воду душистую соль, мокрыми ладонями погладила себя по лицу, потом по бритой голове. Как приятно. Гладкая, чуть с пушком, однсилуэт,шок этот уже с характером – покалывает пальцы, – волосы только начали отрастать. Зяка посмотрела на свои ладони, бледно расписанные хной – мандала почти стёрлась. «Вот так и всё стёрлось, надо рисовать заново». Она попробовала успокоиться, сосредоточиться, закрыла глаза. Дышать. Вода лилась, поднимался пар, в зеркале отражался тонкий женский силуэт, – казалось, поведи по зеркалу рукой, он не станет чётче.

Тем временем девочка, лёжа на животе, на полу, рисовала сову. Сова была большая, белая, на весь лист. Она летела над городом, а внизу стояли трое – девочка и её родители – Зяка и Вяка. И сова с расправленными крыльями их закрывала и оберегала. Спасала. От туч, непогоды, грозы, пожара. Девочка взяла скотч и стала прикреплять картину изнанкой к себе, лицом к улице – если бабушка прилетит, сядет на балкон, то сразу поймёт, что к чему. Ей послышалось, что в ванной не только вода льётся, но ещё и плачут. Шмыгают носом, всхлипывают и даже один раз вскрикнули. Девочка встала на стул, открыла окно и покрошила хлеба на балкон. Вдруг бабушка будет голодная?

Они с Вякой любят гулять в лесу. Когда у мамы занятия йогой, или она ведёт у них дома медитацию и приходит много чужих, Вяка сажает её в трамвае на колени, и они едут до пруда. Там, среди сосен, на поляне темно и тихо, даже летом, когда много солнца, так плотно стоят деревья, а одно старше и выше всех.

– Бу-ба, видишь дупло. Бу-бу-бу-ба? Там живёт твоя бабушка. Давай навестим бабушку.

Вяка смешно бежит вперед, размахивая руками и высоко поднимая колени. Это такая специальная лесная походка, иначе тут тебя никто не поймёт. Вот так-то.

Девочка всегда кричит: «Подожди» – и бежит следом, но ей его не догнать, хотя она очень старается. На поляне девочке нравится задавать всегда один и тот же вопрос.

– Моя бабушка что, сова?

– Твоя бабушка сова.

Когда Вяка так отвечает, сердце радостно заходится и становится весело. Вот так, оказывается, у неё бабушка сова, она живёт в дупле у пруда и ест мышей. Но это не простая сова, ясное дело. Она сама себя заколдовала, чтобы жить дольше и быть свободной, и вообще. Девочка тоже хотела бы стать совой, ну, когда-нибудь потом. Когда время придёт.

– А бабушка нас слышит?

– Она так давно уже сделалась совой, что почти перестала быть человеком. Так что, может, и слышит. Но самую малость.

– Вяка, пожарим хлебушка, а?

И они разводят на поляне костерок – обычно Вяка берёт для этого с собой банку из-под сгущёнки – и на палочках коптят корочки. Несколько они обязательно оставляют бабушке.

– О своих близких надо заботиться. Бу-бу-бу-ба?

– Бу-ба!

Бабушка по ночам навещает девочку, пока та спит. Она прилетает на балкон и ухаёт, желает им троим счастья и поёт колыбельные. Но только после того, как поохотится.

– Бу-ба, собирайся.

Лицо у Зяки было таким усталым и печальным, что девочка только голову наклонила, загородилась волосами. Она не хотела никого огорчать, но никуда ехать не собиралась! Вяло перекатывались игрушки на полу. Зяка деловито заворачивала в цветную шаль чашки для цампы, открепляла от обоев

открытки с золотопузым Буддой, дядькой мудрым и находчивым, у которого на все вопросы есть совет, снимала с зеркала фенечки и деревянные бусины на цветных верёвочках.

– Давай. Пожелай добра всем зверятам и людям. Рыбам, жучкам, растениям – всему живому на белом свете. Да поскорее.

– Даже Вяке? – сквозь волосы с надеждой глянула девочка.

Зяка чуть прикусила губу и коротко кивнула.

– Я не могу поехать, – решила открыться она. – Как же моя пыль?

– А знаешь, Бу-ба, что ты королева?

– Я королева?

Они с Вякой сидят на полу, скрестив ноги, и едят суп из деревянных чашек.

– Ты настоящая королева. И у тебя есть королевство.

Девочка смеётся. Это замечательно. Она оглядывается на уголок, где у неё лежат игрушки. Как-то не сильно он похож на королевство. Так ей кажется.

– А где?

Вяка тоже озирается. Он обводит рукой комнату – два матраса на полу с цветными покрывалами, барабанчик в углу у окна, ковёр с кисточками, кактус на подоконнике, ароматные палочки, книжки.

– Вот.

– Вот?

– Да, – радостно кивает Вяка, и его хвостик на затылке, перетянутый кожаным шнурком, тоже кивает девочке. – Только это королевство почти невидимое.

Он добавляет шёпотом.

– Потому что это королевство пыли.

– Пыли? – девочка широко-широко раскрывает глаза.

– Крохотные пылинки – твои подданные. Ты их почти не видишь, но иногда...

Вяка бросает есть, вскакивает и идёт к окну. Весь он такой резкий и быстрый, как круглая вертушка с цветными крылышками, если её подставить под ветер. А вот Зяка, она, наоборот, тихая, мягкая, как простынка. Смотрит, будто целует.

– Гляди.

И они с девочкой вместе наблюдают, как всякая мелюзга – пыль, сор, – всё это на свету летает в воздухе. Стоит только взмахнуть рукой. Или покачать шторку.

– Вот давай, покружись.

И девочка крутится вокруг себя и смеётся. Лампа на потолке в самодельном абажуре с бусинками, двери на кухню и в

коридор, стены с обоями в полоску, на которых она кое-где нарисовала птиц, а кое-где червячков, вертятся вокруг неё.

– Ты можешь велеть им летать или садиться. Если покружишься, то в королевстве начнётся карнавал – все будут радоваться, скакать и танцевать.

– Танцевать! – прыгает девочка. – Я хочу, чтобы мы все танцевали!

И они с Вякой начинают танцевать. Вяка смешно двигается, как барабанная палочка, когда стучит по барабану, – порциями, отрывисто, резко. Он задирает ноги, машет руками и кричит всякую ерунду. Такие у них танцы. И пыль танцует вместе с ними между тарелок с недоеденным супом.

К вечеру девочка старается ходить по комнате как можно тише, на цыпочках, – её подданные ложатся спать. Кто куда – кто на коврик, кто на его кисточки, кто на плитус, а кто на подоконник. И родителям девочка говорит, чтобы не шумели. Они улыбаются и о чём-то шепчутся на своём матрасе.

Ночью девочке снятся крохотные принцессы и кавалеры, которые разъезжают верхом на лохматых разноцветных собачках, все они славные и одеты нарядно, как для бала. Девочка их очень любит, ведь и они тоже живые существа. И им тоже она желает добра.

* * *

Они с Зякой долго ехали на поезде, потом на троллейбусе. Поднимались на лифте на последний, девятый этаж. И наконец железная дверь с кованой ручкой открылась.

– Вот, Бу-ба, – выдохнула Зяка, натужно переваливая через порог сумку. – Это твоя бабушка.

Будто морозным воздухом кашлянула.

Прошло триста лет. Девочка сначала упорно разглядывала входной коврик, словно он мог ей что-нибудь объяснить. Раздеваться ей совсем не хотелось, она только теребила шарф. Потом решила и подняла глаза. Она увидела тётушку, похожую на их учительницу в школе, только с волосами цвета бордовой яблочной кожуры – того сорта, который они с Вякой всегда покупали после прогулок. Лицо решительное и переносица, как у Зяки, – такая же мягкая, уютная ямочка, где наверняка хорошо хранить желания. Вот у Зяки такой тайничок есть, а у неё нету. «Пожелай и самой себе хорошего, и всё сбудется, – говорила обычно Зяка, целуя её в нос, – ты ведь тоже зверушка, жучок, рыбка и цветочек – ты у меня самое живое на белом свете».

– Где бабушка? – удивилась девочка и для верности ещё раз переспросила. – Где?

Она с тревогой искала зякиного взгляда, как делала всегда, когда ей было трудно что-то решить самой.

Но Зяка на неё не смотрела. Она и на тётушку не смотрела тоже, а усиленно рылась в сумке. Будто там могло лежать что-то важное, гораздо важнее всего остального.

Вид у тётушки был ошарашенный, будто её накрыли цветным платком, а потом, когда платок сняли, оказалось, что она уже в пустыне, а вокруг ходят львы. Они с Зякой часто в такую игру играли. Это смешная игра, и девочка улыбнулась.

Кто-то шумно поднялся из кресла в комнате.

– А вот дедушка, – бодро сообщила Зяка, но голос у неё почему-то стал совсем мёртвый. – Ну, знакомьтесь. Раз уж так вышло.

* * *

У дедушки и бабушки было три комнаты, и повсюду мебель. Девочка мебель видела только в школе. Там, где они жили, в лучшем случае стоял стол на кухне и стулья, хотя ели они всё равно всегда на полу в комнате, на их любимом коврике с кисточками. Девочка любила сидеть на полу, так удобнее. И в школе на переменах в коридоре всегда садилась на пол, за что её часто ругали и водили за руку обратно в класс. Ещё её иногда ругали за волосы, что она их не заплетает и за то, что ходит в цветных платьях с украшениями. Девочка, как и Зяка, дня не могла прожить, не нацепив бус или браслетов из цветных ниточек. Такие весёлые. Зяка делала много разных красивых штучек и иногда даже их продавала.

К бабушкиной и дедушкиной мебели девочке долго пришлось привыкать, по ночам ей казалось, что та, тёмная и гладкая, обступает её, словно живая, и смотрит плоскими, стеклянными, пустыми, блестящими глазами. Тогда девочка пугалась и шла прижиматься к Зяке. Спали они теперь в разных комнатах – Зяка на диване, свернувшись клубочком, а девочка в зале с бабушкой, потому что одна она не могла и всё время падала – привыкла к матрасу. Зяка так и не распаковала свою сумку, ничего не вытащила, даже девочкины игрушки. Сумка стояла сиротливо у порога, как будто они вот-вот снова куда-нибудь уедут.

Теперь девочка ходила в новую школу, и каждый день бабушка заплетала ей две тугие, неудобные косицы с бантами, которые девочка в школе каждый раз пыталась распутать, да дело это было непростое. Дедушка провожал её до школы и встречал обратно, хотя раньше она ездила на трамвае

сама и сама открывала ключом дверь, если мамы не было дома, а Вяка был на работе.

Дедушка пытался её смешить и рассказывал истории про разных людей и зверей, с которыми девочка раньше не была знакома. От них не делалось особенно весело, наоборот, всё вокруг казалось чужим и новым. Она скучала по Вяке, по лесу, по трамваю и дому, где пахло пряными ароматными палочками (Зяка особенно любила ваниль), по вечерам обязательно горели свечи, и гости приходили – такие забавные. Но вместо гостей у бабушки и дедушки был телевизор – по вечерам его обязательно смотрели – громко, на всю квартиру.

Как только они приехали, сразу сели ужинать за столом на кухне. Зяка сидела очень тихая, глаза в тарелку. Девочка поразмыслила и решила, что бабушка всё-таки услышала её тогда в лесу и перекинулась в человека, чтобы им помочь. Про дедушку девочка вообще ничего не знала. Но теперь ей стало ясно, что бабушка нашла его в лесу (расколдовала какую-нибудь торчащую из снега сосновую палочку?) и взяла с собой. Девочка смотрела на бабушку заговорщически и иногда подмигивала. Всё-таки у неё получилось вытащить её из дупла, жалко только, что Вяки тут с ними нет. Но если Вяку бабушка не приколдовала, в чём тогда смысл? Девочка хмурилась, ей было немножко страшно. Распаковать бы хоть игрушки.

– Спасибо, бабушка, что ты превратилась, – тихонько прошептала девочка.

– Что ты говоришь, моя маленькая? – бабушка нагнулась к девочке пониже, пахла она странно, по-чужому, в основном какой-то новой едой и ещё хозяйственным мылом.

Дедушка жевал сосредоточенно и ласково оглядывал девочку. Глазами он был похож на Зяку, поэтому его девочка боялась поменьше. Он потихоньку включил радио около себя – без радио ему было непривычно. Голова у него была совсем белая, а нос длинный, совсем не как у Зяки.

– Что это за имя у ребёнка, зачем ты её так зовешь? – бабушка всё накладывала и накладывала девочке еду, такую, которую та до сих пор почти никогда не ела. – Ей же не два месяца. Бу-ба? Что это такое? Ребенок в школе, поди, назвать фамилию нормально не умеет. Что дальше-то будет? Ты почему не ешь?

Голос у бабушки был громкий, он даже заглушал радио.

– Мы не едим мясо, – тихо сообщила Зяка тарелке и под столом потихоньку сжала пальцы. – Я же говорила.

Бабушка и дедушка переглянулись, как показалось девочке, с какой-то торжественной обречённостью. Дедушка только крикнул и покачал головой. Видимо, чтобы успокоиться, бабушка собрала девочкины волосы назад и заправила за уши. Руки у неё были жесткие, костлявые, но тёплые и пахли супом.

– Посмотри, её надо постричь. В ушах мох. А мясо нужно ребёнку. Если на себя наплевать, выглядишь как бомж, вся в старых тряпках, подумала бы о дочери. Читает она как? Хорошо? Ты не смотри, что первый класс. Сейчас там такая подготовка, будто детей сразу в космонавты записывают. А пишет? Ничего, деточка, мы всё выучим, правда? – когда бабушка обращалась к девочке, голос её менялся, как будто солнце то пряталось за тучи, то выпрыгивало снова.

– В мясе витамины. Не станет есть, начнётся анемия, кости расти не будут, волосы выпадут.

– И будет такая же лысая, – довольный, сострил дедушка, обсасывая косточку.

Девочка зажала руками уши, замотала головой.

– Я коровку есть не буду, и свинку, и барашка не буду. Они живые существа. Я желаю им добра.

Она уже почти было собралась заплакать. Зяка, которая сидела напротив, с натужной улыбкой разжала пальцы, протянула руку через стол и погладила дочку по щеке. Девочка сползла под стол, повозилась там немного, уселась возле ног Зяки. За столом стало тихо, только радио бормотало что-то невнятное.

– Да выключи ты эту свою грохоталку! – вдруг крикнула бабушка.

Зяка потихоньку стала переправлять девочке под стол то кусок хлеба, то яблоко, то картофелину. Вдруг что-то с силой сурово звякнуло о тарелку, Зякина нога вздрогнула, стул отодвинулся, и из-под стола девочке было видно, как бабушкины ноги триумфально зашагали в комнату.

* * *

А ещё в тот самый день, когда они приехали, девочка первым делом открыла мамину жёлтую шкатулочку, украшенную лоскутками и бисером. Вдвоём с Зякой они повсюду разложили привезённую пыль. Перед отъездом бережно собрали её – из-под матраса, с ковра с кисточками, с подоконника. И вот теперь любимых подданных переселили на новое место. Девочка представляла, как фрейлины и кавалеры рассаживаются с удивлением, шурша накрахмаленными платьями, обмениваются восклицаниями,

смущённо оглядывают мебель. Тут для пыли был простор – полно тайных уголков и закоулков, полочек, местечек. Девочка немного волновалась, уживётся ли она с местной. Но у бабушки никакой пыли не было, все поверхности сияли и блестели, в мебель можно было смотреться, как в зеркало. Сначала девочка представляла себе, как её подданные знакомятся, церемонно и вежливо раскланиваются с теми, кто жил тут до них. Но знакомиться оказалось не с кем.

И всё же пыль прижилась на новом месте. Девочка иногда ложилась на пол, на толстый красный ковер, который закрывал весь пол, и смотрела на окно – тогда было видно, как летает в воздухе что-то невесомое. Девочка закрывала глаза и тихонько разговаривала со своим королевством.

«Добрый день, – говорила она. – Это замечательно, что вы пришли рассказать, как вам тут живётся. Немного скользко, ха-ха. И всё блестит. А мне, представляете, надо теперь есть курицу, и ходить в школу по новой дороге, и терпеть эти ленты в волосах, и мыться каждый вечер, и нюхать дедушкин пот. Ну, ничего. Ведь бабушке тоже, наверное, не очень хотелось убираться из леса. Там у неё, представляете, как было здорово, – летай себе, куда захочешь, всю ночь, – хоть через пруд, хоть по лесу, хоть в город».

И принцессы, такие миленькие, сговорчивые и родные, кивали ей и перешёптывались и соглашались потерпеть, а кавалеры галантно кланялись и обещали передать остальным, что да, так надо. И славные мохнатые собачки, на которых они приехали, приветливо тявкали и от возбуждения лизали принцессам пряжки на туфлях.

Но гораздо чаще девочка слышала, как Зяка с бабушкой ссорились на кухне.

– Как ты можешь так говорить? Как это, что я вмешиваюсь? Мы же не чужие люди. Вот тебе хвост прижало, куда ты прибежала, а? Денег нет, работать не хочешь, и этот твой – и не муж и не поймешь кто, где он? А? Где он? Ни его, ни денег его. Я может, жизнью рисковала, когда тебя рожала!

– Да я не хочу, чтобы меня рожали! Вообще хочу, чтобы меня не было! Вообще чтобы никогда не было! Вот, ясно, чего я хочу? Больше всего!

Зяка стала совсем тоненькой, хотя бабушка только и делала, что кормила её и кормила.

Девочке теперь иногда кажется, что бабушка – это император. Она владеет империей гораздо более обширной и мощной, чем девочкино собственное скромное,

разноцветное, бестолковое королевство. Хочется уменьшиться, залезть в коробочку с бисером и закрыться на защёлку.

* * *

Однажды бабушка налила в таз воды, взяла тряпку и стала вытирать пыль. Она беспощадно тёрла и мыла. Девочка, остолбенев, замерла за столом, куда её непременно каждый день сажали писать каракули.

– Что ты делаешь? Это моя пыль! – она вскочила и повисла у бабушке на руке.

– Ну так мы её тряпкой. Пыли быть не должно. На пыль бывает аллергия.

Девочка расширенными глазами смотрела, как её подданные исчезают в тазу, как тряпка, белая, чистая, беспощадная, смахивает их, стирает, грабастает и трёт. Она стала кружиться. Махала руками, подпрыгивала, нелепо и резко, как когда-то Вяка, она кружилась, пока хватило сил, пока не упала на ковер.

– Спасайтесь, – кричала девочка, – скорее улетайте вверх, там она вас не достанет. Прыгайте, танцуйте! Убегайте!

– Ну-ка, перестань, – рассердилась бабушка. – Ты мне мешаешь. Надоело писать, иди посмотри, что делает мама.

– Лучше бы ты сидела в дупле, – прошептала девочка и убежала.

Бабушка покачала головой.

– Вместо того, чтобы маяться дурью, курить да забивать голову ерундой, сводила бы ребёнка к психологу.

А Зяка целыми днями, свернувшись калачиком, лежала на диване возле нераспакованной сумки. Когда девочка заходила в комнату, Зяка закрывала глаза и притворялась, что спит. Волосы у неё отросли – такие трогательные, мягкие, как шёлковые ленточки. Девочка подходила и гладила их с удовольствием, ей казалось, что она плывёт, как лодочка, по маминой голове. Вот здесь, за ушками – две маленькие укромные пристани. Зяка ловила дочкину ладошку и целовала нежно и долго. И иногда плакала.

* * *

Когда Зяку отвезли в больницу, потому что она наелась каких-то таблеток, дедушка сделался бледный, как шторка на кухне, и включил радио на полную катушку. Бабушка следом тоже поехала в больницу, чтобы поддержать Зяку в трудную минуту её жизни. Тогда девочка вытащила из кармана сумки Зякин мобильный телефон. Она долго нажимала на кнопки, наконец нашла «Валера», позвонила и стала ждать.

– Вяка, – причмокнула она радостно, – привет.

– Привет, королева, – усталым голосом ответил Вяка и смущённо кашлянул. – Как там твоё королевство?

– Знаешь, зря я вызвала бабушку из дупла. Она вылезла оттуда вся такая странная. Кормит нас мясом, а Зяка не хочет, поэтому взяла и наелась таблеток. Теперь ей будут мыть живот, так бабушка сказала. Бабушка вообще всё моет. И мою пыль она тоже скоро вымоет до самого конца. А я собираю пыль в шкатулку, знаешь, такая у Зяки есть жёлтая, с бусинками.

– Умница, – рассмеялся Вяка. – Так значит, твоё королевство теперь совсем маленькое?

– Можно сказать, да. Оно сильно усохло.

– Бывают такие королевы в изгнании, знаешь?

– Где? В Избании?

– В изгнании. Это значит, что-то неприятное (революция там, скажем, или война) вынудили их уехать с родины. И им разрешено было взять с собой только некоторых близких фрейлин и парочку-другую самых преданных слуг.

– Выудили, – как зачарованная повторила девочка. – Война. Да.

– Но знаешь, королева пыли может быть королевой пыли где угодно. Потому что всё на свете покрыто пылью.

– Вообще всё?

– Всё, куда ни плюнь.

– Ну нет, – вздохнула девочка, – вот ты просто не знаешь, а у бабушки пыли нет. У неё только тряпка и котлеты.

– Как тебе новая школа? Бу-бу-бу-ба?

Вяка засмеялся. У него в трубке зашумело, и чужой недовольный голос вдалеке что-то произнёс.

– Мне надо работать, королева.

– Папа, – шмыгнула носом девочка, и в трубке стало очень тихо. – Папа, как ты там живёшь?

* * *

После истории с таблетками Зяка почти перестала бывать дома. Она забрала свою сумку и всё время где-то пропадала. Бабушка ходила по комнатам с поджатыми губами и ещё усерднее боролась с пылью. Её переносица стала жёсткой, а морщины на лбу совсем закрыли ложбинку, куда можно прятать секретные желания. Дедушка включал радио всё громче, бабушка сердилась всё крепче, особенно когда девочка отказывалась что-нибудь есть или плохо решала задачи.

– Вот вырастешь и будешь как эти, – угрожала бабушка. – Лысые и в тряпках. Болтаться.

Все её фенечки из цветных ниток бабушка давно срезала и бусы велела снять – во-первых, потому что в новой школе распустёхой и растрёпой ходить не разрешалось – эта школа приличная, а не то, что там у них. Только в форме и с косичками. А во-вторых, вообще, так некрасиво, люди смотрят, что они скажут? А девочка думала, что вот хорошо бы заколдовать бабушку обратно в сову, и даже сочинила заклинание. Она повторяла его каждый вечер перед сном, лёжа рядом с ней у стенки, и под утро обязательно осматривала круглую полную спину в халате, когда бабушка стояла у плиты, – неросло ли там перьев.

– Что, маленькая моя? – совсем не понимала её бабушка – Кушать хочешь? Сейчас я вермишельки погрею. Ребёнок тощий, как палка с глазами, ещё бы, ел всякую ерунду.

* * *

И вот однажды вечером дедушка посадил девочку на колени. Это было совсем не похоже на то, как они с Вякой ездили на трамвае и говорили обо всякой всячине. Обо всём, что прилетает в голову, как будто голова – это радиоприёмник, стоит только выйти из дома, и оказывается, мир едет, вертится и бежит рядом с тобой. Впереди и позади.

Дедушка сказал торжественно.

– Вот так. А мать-то твоя взяла и уехала. Снова здорово.

Так девочка узнала, что Зяка теперь живёт от них очень далеко, в Индии. Там она ходит в цветных неглаженных тряпках, как выразилась бабушка, нацепив браслеты, лысая, молится, нюхает свои ароматы, и никто ей слова не скажет. Вот так. А ребёнка она кинула. Девочка ясно представляла себе, как Зяка, размахнувшись, кидает её на матрас с цветным покрывалом. Это совсем не больно, наоборот, – весело – матрас мягкий, потому что набит разноцветной шерстью лохматых собачек. Вот так. Растили её растили, учили, учили. И на тебе, пожалуйста. Сперва еле-еле через качели школу закончила, и как только не бросила, уехала, никуда не поступила, потом ребёнка родила непонятно от кого, ни кола ни двора, потом от неё годами ни слуха ни духа, ударились в какую-то секту, потом явилась, нате вам, и теперь опять та же история на новый лад. Утекла, как дым. Это девочка слышала, как бабушка кому-то по телефону доходчиво вкратце объясняет их с Зякой не получившуюся судьбу.

Девочка теперь часто тёрла переносицу, чтобы и у неё, как у Зяки, появилась такая же волшебная ложбинка, куда бы она могла складывать свои тайные желания. У неё их накопилось очень много.

«Пожелай сама себе. Вот чего ты хочешь? Всё сбудется. Попроси солнышко, попроси ветер». И девочка просила.

«Небо и земля, сделай меня, пожалуйста, вместо бабушки совой. Я хочу летать над прудом, жить в дупле. Да, у меня обязательно должно быть вместо дома такое тёмное большое дупло, куда можно было бы спрятаться, когда кто-нибудь придёт и позовёт меня».

* * *

Весной, когда ушёл снег и пришло тепло, бабушка и вправду решает повести девочку к психологу. Но сначала они идут к простому врачу. Девочка часто устаёт, у неё болит голова. Она плохо соображает, в школе одни замечания. Хотя выглядит теперь как все и больше не норовит сползти на пол. Но главное – это началось совсем недавно и ни с того ни с сего – девочка, оказывается, временами перестаёт дышать. Она хочет сделать вдох и не может, выдох – и снова не может.

– Наверное, это у неё аллергия, – заключает врач, точно такая же тётушка, как их учительница в старой школе, похожая на бабушку, только волосы у неё чёрные и по плечи, а щёки румяные, и над глазами нарисовано синим. – Скорее всего, на домашнюю пыль.

– Что вы, – пугается бабушка, – у нас дома нет никакой пыли.

– Пыль, – нравоучительно отвечает врач, глядя поверх очков, – есть у всех. Ведь что такое пыль? Это же мы с вами. Наши частички – кожа, волосы, кусочки ткани, пух от подушек. Мы и есть пыль. Мы сами. Без пыли никуда.

Хорошо, что бабушка не знает про жёлтую шкатулочку с бусинками, где подданных становится всё больше, им уже почти тесно. Девочка тайно торжествует. Она всё время морщит лоб, чтобы было куда складывать тайны. А дышать ей совсем не хочется. Она даже придумала специальное упражнение – если задержать дыхание, можно собрать гораздо больше пыли, тогда её не распугаешь.

Королевство стало совсем захудалым – все прячутся по углам, таятся, платица на принцессах порвались, лакированные башмачки стёрлись, лохматые собачки бегают невесёлые, шерсть у них свалаялась, уши висят. И кавалеры невежливые, не стараются угодить дамам, а всё больше огрызаются, спят или шляются неизвестно где. Девочке иногда хочется вообще перестать двигаться, а только лежать на ковре, прикрыв глаза, и смотреть, как некоторые свободлюбивые пылинки всё же поднимаются на свету вверх – лёгкие, весёлые. Так часами она лежит, замерев, и ждёт, пока они не осядут на её пальцы, веки, губы. Это щекотно. Тогда девочка смеётся. Она почти счастлива.

* * *

К осени дедушка принёс домой клетку. В клетке сидели две лохматые мыши – одна чёрная, другая рыжая.

«Неужели она их будет есть? – ужаснулась девочка и убежала на кухню. – Прямо здесь, у себя дома? Прямо вот так, ни в кого не превращаясь? Ну, это уж совсем».

– Психолог, слышала, что сказал? Тебе нужны друзья.

– Вот, – весело рассмеялся дедушка, снимая ботинки, – и назови их Зяка и Вяка.

Бабушка поставила клетку возле дивана, где когда-то лежала Зяка. Две мышки сидели в опилках и что-то грызли. Они смотрели на людей насторожённо – в блестящих чёрных бусинках отражался свет из окна.